

УДК 930.23:94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.147-166

КРЫМ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКОГО АВАНТЮРИСТА УИЛЬЯМА ИТОНА

Н.И. Храпунов

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
khrapunovn@mail.ru*

Целью статьи стало изучение сведений о Крыме в малоизвестном источнике – сочинении британского авантюриста Уильяма Итона, побывавшего на полуострове в эпоху независимости Крымского ханства и пользовавшегося весьма любопытной информацией, полученной как из опыта, так и от своих крымских знакомых.

Материалом исследования был посвященный Крыму отрывок из трактата Итона «Обозрение Турецкой империи», опубликованного в 1798 г. в Лондоне, который прежде не анализировался отечественной историографией, а также отзывы на него в трудах британских интеллектуалов начала XIX в.

В результате исследования раскрыты аспекты биография Итона, свидетельствующие о его практических знаниях о разных регионах Османской империи и Крыма, а также реальном опыте в международной торговле, что должно было сказаться на его рассуждениях и оценках. Выявлен информационный потенциал этого источника, сообщившего массу информации о государственном устройстве Крымского ханства, его взаимоотношениях с Османской империей, социальной структуре и статусе отдельных групп населения, военном деле, населении и городах, экономике и принципах налогообложения, неудачных реформах последнего хана Шагин Гирея, сокращении населения в последние годы его правления и о присоединении Крыма к России. Предложенный Итоном проект по включению Крыма в систему международной торговли призван был нормализовать отношения Великобритании и России. Показано место размышлений Итона в контексте британской политики, англо-русских отношений, осмысления английскими интеллектуалами роли Османской империи и Крымского ханства в мировой истории. Продемонстрировано, что, подобно Итону, многие англичане понимали историческую обусловленность российской экспансии в Северное Причерноморье. Раскрыто сходство его взглядов с представлениями традиционных соперников англичан – французов.

Ключевые слова: Крым, Уильям Итон, записки путешественников, Крымское ханство, крымские татары, историческая имагология, Российская империя, международные отношения

Для цитирования: Храпунов Н.И. Крым глазами британского авантюриста Уильяма Итона // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 1. С. 147–166. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.147-166

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

THE CRIMEA AS VIEWED BY BRITISH ADVENTURER WILLIAM ETON

*N.I. Khrapunov**V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
khrapunovn@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* This paper analyses the account of the Crimea supplied in a little-known source written by British adventurer, William Eton, who visited this peninsula in the period of an independent Crimean Khanate and used extremely interesting information taken from both his own experience and his Crimean friends.

Research materials: This paper addresses Eton's book, titled *A Survey of the Turkish Empire*, published in London in 1798, which was never used by Russian scholarship, and responses to it by early nineteenth-century British intellectuals.

Research novelty and results: This paper has discovered aspects of Eton's biography which reveal that he both received practical knowledge of various regions of the Ottoman Empire and obtained real experience in international trading to influence his reflections and opinions. It has uncovered the possible sources of the text in question, which supplied varied information on the government of the Crimean Khanate, its relations to the Ottoman Empire, social structures and statuses of different population groups, warfare and population, towns and settlements, economy and taxation, failed reforms by the last khan Shagin Girei, depopulation throughout the last years of the khanate, and its joining to Russia. Eton's aim behind the detailing of Crimea into international trade was an intention to normalize the relations between the Great Britain and Russia. This research has placed Eton's ideas into the context of British policy, English-Russian connections, and the British writers' perceptions of the place held by the Ottoman Empire and the Crimean Khanate in world history. It has been demonstrated that, similarly to Eton, many British recognised the historical conditionality of Russia's expansion into the northern Black Sea area. This research has shown the similarity of Eton's views with the perception of the French writers who were traditional rivals of the British.

Keywords: Crimea, William Eton, travelogues, Crimean khanate, Crimean Tatars, historical imagology, Russian empire, international relations

For citation: Khrapunov N.I. The Crimea as Viewed by British Adventurer William Eton. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 147–166. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.147-166

Acknowledgements: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the academic project no. 18-09-00053 "The Crimea as Viewed by the English in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries".

Общеизвестно, что записки путешественников являются важнейшим источником сведений о Крыме в эпоху Средневековья и в Новое время. Их авторы, будучи внешними наблюдателями, заметили вещи, ускользавшие от внимания других документов. Помимо реконструкции фактических обстоятельств истории полуострова, тревелогии свидетельствуют о том, как в европейской культуре формировались представления о далеком регионе, которые впоследствии повлияли на политиков и бизнесменов, идеологов и писателей. Не мудрено, что за прошедшие полтора века изданы и переведены многие источники. Отрывки, рассказывающие о крымских татарах, собраны в заме-

чательной хрестоматии [21]. Тем не менее, целый ряд травелогов пока не введен в научный оборот. К их числу можно отнести сочинения англичанина Уильяма Итона¹. Хотя в формальном отношении это не путевые записки, а политико-экономические трактаты, автор подчеркивал, что опирался, прежде всего, на свой богатый опыт путешественника: *«поскольку я говорю о странах, в которых долго жил, и о событиях, многим из которых был свидетелем, надеюсь, что мои доводы будут иметь некоторый вес»* [36, р. iii].

Об авторе известно мало. Не случайно автор фундаментальных исследований об англичанах в Восточной Европе Э.-Г. Кросс ограничился констатацией, что Итон был «поднаторевшим в черноморском торговых делах купцом» [10, с. 380] и «коммерческим советником британского посольства в Петербурге» [9, с. 160], не включив его труды в библиографию английских путешествий по России [32]. Сочинения Итона изредка цитируют отечественные и зарубежные исследователи, не разбирая вопрос о личности автора и не подвергая его труды источниковедческому анализу [например: 16, с. 151; 49, р. 5–6]. Представляется, что эти известия заслуживают большего внимания. Настоящая статья призвана восполнить историографический пробел.

В 1798 г. Итон опубликовал трактат под названием «Обозрение Турецкой империи» [36], который должен был дать ее всестороннее описание, рассказать об административном устройстве, армии, экономике, подвластных народах и причинах упадка. Составной частью книги стал рассказ о крымских татарах, основу которого составили сведения о Крымском ханстве, к тому времени уже прекратившем свое существование, тогда как объем актуальной информации о Крыме существенно меньше. В течение четырех лет книга дважды переиздавалась, что свидетельствует о большом интересе английской публики. Впоследствии мысль о необходимости развивать британскую торговлю в Черном море была повторно изложена в книге меньшего объема [37].

Итон сообщил, что был британским консулом в Османской империи [36, р. iii], а затем несколько лет провел в России, где пользовался доверием всемогущего Григория Александровича Потемкина, и пять лет был секретарем британского посольства в Петербурге [36, р. iii–iv]. Из других источников известно, что перед тем он жил в Басре и был там голландским консулом [27, р. 160, п. 15; 39, р. 282]². Функцию представителя социально-экономических интересов Нидерландов мог исполнять подданный другого государства, постоянно проживавший в этом иракском городе. Итон пытался использовать свой опыт жизни на Востоке в интересах родины. Так, британское правительство привлекло его в качестве эксперта, когда обсуждался проект почтового сообщения через ближневосточные страны [39, р. 282–283]. Он едва ли не первым предложил британскому флоту захватить один из островов в Персидском заливе, превратив его в ключевой пункт для обеспечения стабильного сообщения с Индией [50, р. 654].

По словам самого Итона, в октябре 1777 г. он прибыл в Еникале, крепость, переданную России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, завершившему войну с Османской империей 1768–1774 гг. [см.: 2], откуда собирался

¹ Упомянутые в этой статье английские фамилии приведены к современному написанию [см.: 13], хотя в историографии могут встречаться самые разнообразные варианты.

² В опубликованной по-русски статье Э.-Г. Кросса он назван датским консулом [9, с. 160], но это, надо думать, обычная ошибка переводчика, спутавшего «Dutch» («голландский», «нидерландский») и «Dane» («датский»).

отправиться в город «Bagshirai», то есть, вероятно, в столицу ханства – Бахчисарай. Однако начавшееся восстание против ставленника России хана Шагин-Гирея и расквартированных в Крыму русских войск [см.: 1, с. 209–236] нарушило планы англичанина. Лишь в декабре он смог погрузиться на корабль (ведь «дорога по суше была небезопасна»), направлявшийся в Каффу (совр. Феодосия). Однако шторм унес путешественников дальше к западу вдоль крымского побережья, причем они «несколько раз высаживались на берег, чтобы набрать воды, но всякий раз нас прогоняли татары». Наконец, мореплаватели достигли рейда Кезлева (совр. Евпатория), но продолжавшаяся зимняя буря и угроза со стороны османских судов заставила их двигаться дальше к западу, до самого устья Дуная. Здесь Итон высадился на берег и по суше отправился в Россию [36, р. 322, 324, 325]. Рассказ о плавании, возможно, содержит некоторые преувеличения. Итон, в частности, утверждал, что однажды взял на себя управление кораблем в открытом море, то есть обладал знаниями и навыками навигатора [36, р. 325]. В другом отрывке путешественник упомянул, что бывал в окрестностях Бахчисарая – очевидно, в какой-то другой поездке [36, р. 331]. Итон утверждал, что при подготовке своего трактата пользовался сведениями заслуживающих доверия информаторов, в частности – некоего Сеид эффенди, визиря последнего хана Шагин-Гирея, с которым общался в 1781 г. [36, р. 306–307]. Быть может, это было его второе путешествие в Крым.

Некоторые известия об Итоне, причем не самые благоприятные, сохранились в английских архивах. Знаменитый инженер Самьюэль Бентам, поступивший на русскую службу, в 1780 г. отправился на юг в обществе Итона [27, р. 160]. Впрочем, он вскоре разочаровался в товарище по путешествию и предпочел расстаться с ним, добравшись только до Полтавы. В письмах Бентам упоминает, что Итон женился на театральной актрисе, которая подчинила его своей власти [44, р. 54–55]. Когда в 1803 г. началась очередная англо-французская война, Итон предложил организовать снабжение расквартированных в Средиземноморье английских войск хлебом и солониной, используя свои русские связи. Ему удалось получить должность суперинтенданта лазарета (начальника карантина) на Мальте, отбитой англичанами у французов, под предлогом того, что Потемкин (умерший в 1791 г.) поручил ему разведывательную миссию на острове в 1797 г. Передав эту должность третьему лицу, Итон занялся интригами против английского же губернатора острова Александра Болла. Поставленные им хлеб и горох были приняты флотом, а вот мясо никуда не годилось. Его солили и паковали в бочки в Феодосии, где Итон приобрел для этой цели памятник мусульманской архитектуры – общественные бани, которые, впрочем, к тому времени не использовались по назначению и значительно обветшали. В конце концов, проект Итона закончился полным провалом (1806 г.). Очевидно, его таланты проектера значительно превосходили способности купца [41, р. 30–33; 17, с. 51; 40, р. 69, 194]. Феодосийские бани сначала перешли в собственность английского правительства, а в 30-х гг. XIX в. были снесены по указанию градоначальника Александра Ивановича Казначеева [35, р. 292–294].

Вероятно, Итона можно назвать авантюристом эпохи Просвещения в том смысле, который вкладывает в этот термин крупнейший исследователь данного феномена А.Ф. Строев [18, с. 7–31]. О влиянии его произведений на

английскую общественную мысль говорит хотя бы то, что имя Итона появилось в авторских примечаниях к «Паломничеству Чайльд-Гарольда». Байрон отметил, что европейские интеллектуалы по-разному оценивали происхождение современных греков и по-разному видели их политическое будущее. По его словам, Итон был среди тех филэллинов, которые ввели европейцев в заблуждение относительно высоких моральных достоинств греков и необходимости их освобождения от власти османов. Удивителен контраст с другими авторами, отказавшими грекам как в древнем происхождении, так и в моральных достоинствах или политической поддержке [29, р. 191–194].

Кажется, в путешествиях Итон овладел разговорным турецким языком. Во всяком случае, он пространно рассуждает о его особенностях и происхождении от «джагатайского диалекта гуннского, или татарского» языка. «Татарами» же в данном случае он называет все родственные племена, расселившиеся однажды «от Японского моря до границ Польши», то есть, очевидно, тех, кого сегодня мы бы назвали тюрками [36, р. 201–208]. Впрочем, однажды англичанин упомянул, что, общаясь с турецким чиновником высокого ранга, брал с собой грека-переводчика [36, р. 326]. Если Итон действительно мог объясниться по-турецки, это выгодно отличало его от большинства путешествующих европейцев, которым для общения с местными жителями приходилось привлекать непрофессионального переводчика, а то и двух сразу [например: 22, с. 665, 669–671]. Учитывая, что квалификация этих посредников почти всегда оставляла желать лучшего, нетрудно догадаться, что в результате подобных бесед создавались и тиражировались самые невероятные представления о регионе и его жителях. В другой раз Итон дал великолепный перевод части Артикула III Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., определявшего независимость Крыма [36, р. 319–320; ср.: 2, с. 350–351]. Неясно только, переводил ли он сам, и если да – то с какого языка.

Нужно упомянуть о внешнеполитическом контексте, сделавшим книгу Итона столь значимым событием. Обострившиеся противоречия европейских держав накануне Наполеоновских войн и становившийся очевидным внутренний кризис Османской империи стимулировали обсуждение будущего переустройства Европы и Ближнего Востока. После того, как Кучук-Кайнарджийский договор открыл Черное море для русских торговых судов, интерес к получению аналогичных прав и развитию собственной торговли в регионе стали проявлять европейские державы. Как обычно, Великобритания в этом отношении конкурировала с Францией [40, р. 34–44]. Победы россиян в очередной турецкой войне 1787–1791 гг. породили в Западной Европе опасения, что Россия реализует планы по ликвидации европейских владений Османской империи и даже станет главным политическим игроком на всем Востоке. Потому, начиная войну с Россией (1788–1790 гг.), шведский король Густав III потребовал от Екатерины II, среди прочего, вернуть туркам Крым [3, с. 159]. В 1791 г. британский премьер-министр Уильям Питт-младший, выступая в Палате общин, угрожал Петербургу войной, если тот не вернет Крым османам. Ультиматум, впрочем, не был поддержан ни парламентариями, ни общественным мнением [40, р. 49, п. 108]. Большую роль сыграла позиция британского политика – лидера партии вигов Чарльза-Джеймса Фокса, выступившего против вмешательства в дела России. В качестве своеобразной благодарности Екатерина II даже заказала его мраморный бюст, который установила в Эрмитаже, а копию – в

Царском селе. Впрочем, когда выяснилось, что Фокс симпатизировал революции во Франции и сторонникам независимости Польши, бюсты велено было убрать. Эта история стала мишенью английских карикатур [15, с. 226; 10, с. 350–353]. Несомненно, нежеланию англичан идти на радикальные меры способствовал и значительный объем торговли с Россией в конце XVIII в., которая шла через прибалтийские порты и приносила существенный доход, а также критически важные зерно и материалы для судостроения [33, р. 17–25].

Тем не менее, идеи изменения статуса Крыма продолжили бытовать в сознании британцев. Знаменитый путешественник Эдвард-Даньел Кларк писал в 1800 г. из Еникале (в северной части совр. Керчи) своему другу Уильяму Оттеру: *«О, если бы турки и татары снова стали хозяевами этой земли!»* [45, р. 293]. Впоследствии на страницах книги путешествий он предложил европейским державам силой «вернуть» Крым османам [30, р. 268–270]. Однако «просвещенные европейцы» довольно поверхностно представляли себе регион, судьбой которого желали распоряжаться. Понимая это, Итон заметил, что его желание описать Крым, «самую прославленную землю» татарских орд, вызвано распространившимися в Европе «ошибочными представлениями» о покоренные Крыма Екатериной II, а также *«об этой стране в целом и о натуре их (татар – Н.Х.) прежнего государственного устройства, до сих пор столь мало известных»* [36, р. 304]. В книге Итона не раз встречаются имена французских дипломатов и авантюристов Шарля де Пейссоннеля и Франсуа де Тотта [о них: 42, р. 490–492, 568–571]. Первый был французским консулом в Крыму в 1753–1757 гг., второй – в 1767–1769 гг. Впоследствии они опубликовали несколько ставших очень популярными книг о Крымском ханстве и Османской империи. Итон полемизировал с де Тоттом и де Пейссоннелем, полагая, что те проглядели некоторые важные обстоятельства и пришли к ряду неточных выводов.

Подобно большинству путешественников, Итон называл «татарами» кочевников – *«большое число тех бродячих и некультурных племен, что населяют обширную страну, простирающуюся от северных границ Китая до пределов Венгрии»*. Но в отличие от большинства современников, он подчеркивал, что в названии их не нужна лишняя «р» – это татары, а не тартары [36, р. 304]. Все дело в том шоковом впечатлении, которое произвело на европейцев нашествие монголов XIII в. В грозных завоевателях увидели предсказанных христианскими пророчествами предвестников конца света [20, с. 13, 39, прим. 16]. Потому европейцы прибавили букву «р» в название страны и ее жителей – *Тартария* («Tartaria»), *тартары* («Tartars»), подчеркнув их связь с Тартаром, то есть преисподней древнегреческих мифов. Это переосмысление этнонима и топонима оставалось актуальным и через полвека после Итона. Не случайно участник Крымской войны (1853–1856) Томас Милнер писал: *«Кажется, монахи и священники, пораженные сходством [слов] “татарин” и “Тартар” и разрушениями, которые произвели орды завоевателей – словно посланники из адских областей, придумали написание “тартарин”, до сих пор распространенное, но неправильное»* [43, р. 122].

Представления Итона об истории Крыма весьма смутны. Так, он знал, что некогда центром крымского улуса был Старый Крым, а Каффа была генуэзской колонией. Но путешественник решил, что однажды генуэзцы *«сделались столь влиятельными, что снимали или избирали ханов по собственному жела-*

нию». Затем турки изгнали генуэзцев, восстановив независимость ханов, но в конце концов стали сами их назначать [36, р. 305–306]. Это суждение удивительно, ведь современники Итона могли почерпнуть более реальные сведения о ранней истории Крыма, например, из сочинения французского «кабинетного» историка середины XVIII в. Жозефа Дегиня [34, р. 343–344, 375–389]. Нашлось место в записках Итона и для «пещерных городов» Крыма. Загадочные заброшенные постройки из искусственных пещер на горных вершинах заставляли и местных жителей, и приезжих путешественников давать волю фантазии. Очень популярным было представление о том, что пещеры эти были высечены в давние времена, когда Крым был покрыт морем, и лишь горные вершины поднимались над волнами, образуя несколько островов [23, с. 421–422]. Итон проявил редкую для своих современников несклонность к фантастическим объяснениям. Он предположил, что искусственные пещеры могли служить, в частности, убежищем для пастухов и их стад [36, р. 330–331].

Разбирая текст Итона, возникают проблемы с адекватным пониманием и передачей терминов. Так, подобно другим зарубежным авторам своей эпохи, Итон не делал различия между этносом («русские») и политической нацией (дворянство и чиновничество Российской империи разного этнического происхождения, «россияне»). И тех, и других он именовал «Russians». Проблема адекватного перевода этого термина в источниках XVIII–XIX вв. – сюжет для отдельного исследования. В этой статье он передается как «русские», следуя отечественной традиции перевода травелогов. Крымских татар же Итон именует «нацией» (nation), включая в эту группу всех подданных хана, а не только знать (беев и мурз) и чиновников. Нация делилась на сословия (пытаясь подобрать наиболее точный термин, он использовал слова «state» или «class», пояснив их через французское *état*) – беи, мурзы, свободные крестьяне и горожане. Очевидно, в его понимании нацию составляли все полноправные подданные, причем «тело нации» (the body of the nation) составляли свободные общинники-крестьяне, мнение которых учитывалось при выборе хана [36, р. 307–313]. Немусульманское население Итон частью крымской нации не считал, очевидно потому, что положение его было неполноправным, выражением чего была, в частности, обязанность платить подушную подать. Впрочем, по словам Итона, жизнь этой группы населения была куда лучше, чем у христиан и иудеев Турции [36, р. 318]. Эти терминологические упражнения могли отразить урок Французской революции, сделавшей представление о нации исключительно актуальным.

По словам Итона, турки присвоили себе право назначать крымских ханов из рода Гиреев. «Хан сохранял свое владычество лишь по соизволению османского султана, так что ежегодно из Константинополя присылали капуджипашу с фирманом, подтверждающим его [власть] на следующий год» [36, р. 305–308]. Иначе говоря, о независимости ханства речь на самом деле не шла. Основаниями для смещения неудобного хана могли быть жалобы влиятельных в Крыму людей, недовольство Портой поведением хана во время войны или задержки в поставках хлеба в Константинополь. Лишенных престола правителей не предавали смерти – единственным исключением, по мнению Итона, стал последний хан Шагин-Гирей. Они отправлялись в ссылку на окраину Османской империи или получали поместье недалеко от ее столицы, где жили с семьей и слугами [36, р. 308–309].

По словам Итона, Гирей «являются ближайшими наследниками османского престола» [36, р. 309]. Предание о том, что в случае пресечения османской династии их трон перейдет к правителям Крыма, не имело под собой реальных оснований, однако память о нем была жива среди крымских татар и в 20-х гг. XIX в. [26, с. 586–587]. Власть хана была тираничной, но не абсолютной. В обычных случаях он руководствуется нормами Корана. Его власть ограничивал совет, куда входили четыре бея – старшие мужчины из родов Ширин, Барин, Мансур и Сиджеут. Этим лиц Итон выделил в отдельное сословие, сравнив его с британским титулованным дворянством – лордами. Хан консультировался с ними по вопросам войны и мира, а также «по всем делам, касающимся нации в целом» и отношений с Константинополем и другими монархиями. Именно беям сообщал османский правитель о назначении хана, тем самым символически признавая их роль. Членов бейских родов хан не мог казнить смертью – решение об этом принимал султан [36, р. 309–311].

Итон подробно оценил бюджет правителя Крыма. По его подсчетам, доходы хана складывались из: 1) десятины с зерна, которое выращивали жившие за пределами Крымского полуострова ногаи; 2) прибыли от солевых озер (около 100 000 талеров в год); 3) экспортных и импортных пошлин (такая же сумма); 4) субсидий от османов в военное время, а также нерегулярных выплат на покупку оружия и «для поддержания у татар бодрого духа»; 5) ежегодных османских субсидий на содержание татарской администрации; 6) османских субсидий на ханскую гвардию (около 1600 человек). Общие доходы Шагин-Гирей в 1781 г. Итон оценил в 900 000 талеров, без учета денег, полученных от Порты [36, р. 317–319]. Любопытно, что денежные расчеты в трактате приведены в талерах («dollars»). Талер – принятая в германских государствах начала Нового времени крупная серебряная монета высокой пробы. Благодаря своему качеству талер австрийской императрицы Марии-Терезии (1740–1780) свободно обращался в Османской империи [12, с. 114]. Талеры Итон переводил в английские фунты стерлингов по курсу 8:1 [36, р. 318–319].

В случае пресечения рода Гиреев их власть перешла бы к Ширинам, которые к тому же нередко женились на дочерях Гиреев. Глава рода, бей, не имел права передавать по наследству или каким-либо образом отчуждать недвижимость, связанную с его титулом, – она переходила к тому, кто получал его должность. Зато деньгами и движимым имуществом он мог распоряжаться по своей воле. Бей ловили тех, кто совершал преступления в их владениях, но могли лишь выпороть злодея, ведь смертная казнь была прерогативой хана [36, р. 311].

Отдельным сословием Итон считал мурз – земельных собственников, положение которых он сравнил с нетитульным дворянством своей родины. В отличие от беев, власть и земли мурзы после смерти переходили к его старшему сыну, а не старшему в роду мужчине. В своих владениях мурзы имели те же судебные права, что и бей. Но «мурзами» именовали и мужчин из бейских родов. Хан мог предавать мурзу смерти, но обычно привлекал в таких случаях к суду представителей крымской знати [36, р. 311–312]. Бей и мурзы получали подушную подать, которую платили жившие в ханстве христиане и иудеи [36, р. 318].

Большая часть земли в ханстве принадлежала беям и мурзам. Сам хан владел лишь небольшим участком близ Бахчисарая [36, р. 310]. Татарские

крестьяне были лично свободными. Своей землей они могли распоряжаться по собственной воле. Землей того, кто умер, не оставив наследника, распоряжались согласно предписаниям Корана. Бею или мурзе, управлявшему округом, где находились владения крестьянина, полагалась десятина урожая или скота (если земля использовалась как пастбище). Участок можно было взять в аренду у другого владельца, заплатив пятую часть урожая или скота [36, р. 313]. Особой обязанностью крестьян было участие в отрядах, которые обязаны были собирать для хана беи и мурзы в количестве, зависящем от численности населения в своем округе. Оружие, снаряжение и провизию нужно было покупать самим или надеяться на щедрость бея или мурзы. Перейдя границу ханства, войско *«кормилось грабежом, вне зависимости от того, принадлежала ли эта страна дружественной или враждебной державе»*. Большую часть трофеев татары оставляли себе, выделив по доле хану и своему бею или мурзе [36, р. 313–314].

Существовало и особое сословие городских жителей, которые не должны были выплачивать беям и мурзам десятину за землю, где стояли их дома и находились сады и поля, поскольку, как считалась, она принадлежала городам. Они не подлежали призыву на войну, если только сами не хотели вступить в войско ради грабежа [36, р. 314].

По словам путешественника, татарский способ ведения войны был полностью противоположен европейским обычаям. Сражение представляло собой хаотичные нападения и отступления отдельных отрядов, без всякого деления на разные роды войск; *«но эта беспорядочная борьба давала волю страстям каждого индивидуума, личная ярость усиливала дикий ужас этой сцены, и врага никогда не щадили, если только он не был изранен и потому представлял ценность в качестве раба»* [36, р. 331–332]. Иначе говоря, татары представлены в виде архетипичных кочевников, а описание их военного дела следует традиции, начало которой положили еще античные авторы применительно к причерноморским конным варварам. Это не удивительно, ведь Итон считал татар потомками гуннов [36, р. 202].

Итон перечислил основных должностных лиц в ханстве. В Акмечети (совр. Симферополь) была резиденция калги-султана, также происходившего из Гиреев. Он имел право распоряжаться жизнью и смертью в своем округе и собственную администрацию. Однако представление о том, что калгой становился старший сын правящего хана, по словам путешественника, неверно. Из Гиреев происходил нуреддин-султан. Его полномочия Итон описывает противоречиво: эта *«должность, кажется, была чем-то вроде временного помощника хана»*. Живший в Перекопе ор-бей мог происходить из клана Ширинов, а функции его напоминали функции калги. Похожими были и полномочия аккерманский сераскира; он был также наместником над ногаями до того, как те переселились на Кубань. Наконец, кубанскому сераскиру, представлявшему семейство Гиреев, подчинялись не только ногаи, но и сераскиры отдельных племен кубанских татар [36, р. 315–316].

Духовно-судебные органы ханства Итон описал следующим образом. Хан назначал муфтия и кадиаскера, причем в отличие от Османской империи, в Крыму не было улемов, ограничивавших ханскую власть. Двадцать четыре кадия (не считая кадиев Кубани) возглавляли округа, которые включали по несколько деревень или стойбищ. По мнению Итона, изначально система

управления в Крыму была феодальной, но после принятия ислама ее адаптировали под нормы Корана. Религиозным главой, или халифом, крымские татары считали османского султана. Однако у них существовали свои пищевые традиции – постановления османских муфтиев о мусульманской трапезе не касались Крыма, жители которого любили конину, запретную для других мусульман [36, р. 316–317]. Возможно, именно поэтому он заметил в другом месте, что турки называли татар «пожирателями падали» [36, р. 199]. С другой стороны, это свидетельствует об определенной независимости в религиозных вопросах и некоторой гибкости исламских норм.

Наконец, существовал особый класс придворных чиновников, которые назывались капу-халки, то есть «люди у ворот», поскольку «*в древности правосудие вершил сидевший у его (хана – Н.Х.) ворот судья; они включали визиря, казнадар-баши, дефтердара, ахтаджи-бея, капиджи-баши и пр. На эти должности хан назначал кого хотел из числа мурз или их сыновей, купцов, турок и пр.*» [36, р. 314]. Функции этих лиц Итон не раскрыл.

Англичанин считал, что крымских татар обучали в лучшем случае чтению и письму, но не наукам, а потому их смысленность – результат не образования, но природных талантов и жизненного опыта. «*Как у большинства варваров, их собственная страна кажется им одновременно образцом совершенства и границей познания, и даже главные государственные служащие не знают географии или взаимного расположения всех остальных стран*» [36, р. 331]. Как тут не вспомнить знаменитую англичанку Элизабет Крейвен, которая, познакомившись в 1786 г. в Крыму со знатным татаринном, с иронией отметила: «*Каймакан – первый министр хана. Он совершенно ничего не смыслит в географии собственной страны и говорит, что Англия и Петербург – одно и то же*» [31, р. 179].

Итон рассказал читателям о правлении последнего крымского хана. В отличие от своих предшественников, благодаря Кучук-Кайнарджийскому трактату Шагин-Гирей не был ставленником османов, но «*был избран ханом беями и мурзами с одобрения народа*» [36, р. 321]. Впрочем, его популярность оказалась недолгой. Новый хан хотел «цивилизовать» своих подданных, но его реформы показались чересчур радикальными привыкшим к старине татарам. Шагин-Гирей применил новый способ комплектования войска, которое, включая офицеров-мурз, теперь получало плату. Зато мурзы лишились земельной ренты, которую платили им крестьяне. Ее размер был уменьшен, а деньги стали идти в ханскую казну. Была начата чеканка новой монеты, что потребовало больших затрат. Постоянный дефицит бюджета заставил хана передавать различные доходы на откуп, причем откупщики собирали деньги с народа с невиданной прежде жестокостью [36, р. 321–322]. Недовольные тем, что Шагин-Гирей предпочел держаться нейтралитета в борьбе между Москвой и Константинополем, турки подбивали его подданных к бунту. Неспособный подавить повторяющиеся мятежи своими силами, он был вынужден обращаться за военной помощью к России. В конце концов, Екатерина II, «*устав от вызываемых ими постоянных тревог и решив более не подвергать своих подданных риску набегов, причиной чего были эти варвары, захватила Крым и Кубань*» [36, р. 322–323]. Итон положительно оценил это событие, поскольку теперь «татарские орды» перестали быть угрозой для Восточной и Центральной Европы. Ее

жители могли больше не бояться того, что их уведут в рабство, а имущество разграбят или сожгут: *«эти орды ныне или рассеяны среди своих братьев-дикарей в Азии, или цивилизованы своими завоевателями»* [36, р. 333].

В другой раз он использовал подобный аргумент, рассказывая о российской политике в Молдавии. Притеснения местного населения со стороны османов и периодические жестокие набеги крымских татар были невыносимы для местных жителей и могли вызвать у прогрессивного человека лишь отвращение и сожаление. Действия же России во время оккупации княжества в войну 1768–1774 гг. оказалось исключительно мягкими и терпимыми [36, р. 301–303]. *«Власть татар целиком была оскорблением человечества и унижением людской природы не меньшим, чем [власть] османских султанов. Следовало ли ожидать, что подобная России держава будет терпеть удары от орды дикарей, если она могла отплатить за обиды? если она по праву не господина, но христианина и друга человечности могла защитить своих слабых соседей, которым неоткуда было больше искать защиты, разграбление и обезлюдение которых усиливала врага и ее, и их самих? У нее было священное [на то] право, и нечестивыми будут уста, пытающиеся ее обвинить»* [36, р. 303–304]. Как видим, Итон апеллировал к ценностям, которые считал общими для «цивилизованного» мира.

Англичанин сказал несколько слов о выселении христиан из Крыма в Приазовье в 1778 г. По его сведениям, всего было выведено 75 000 человек. Однако в первую зиму большая часть их погибла от холода, поскольку не успели построить себе домов. Выжило лишь семь тысяч человек [36, р. 327–328]. Итона не удивило и то, что после присоединения к России многие татары предпочли уехать в Турцию. Другие путешественники, англичане и французы, считали причиной эмиграции насилие и несправедливости, которые творили русские власти и солдаты [30, р. 124–126, 172–180; 47, р. 66, 84, 87–88]. Итон же пронизательно увидел культурные противоречия между жителями страны и ее новыми хозяевами: *«Помимо религиозных предрассудков этих людей, их беспокойные и буйные нравы сделали их мало приспособленными к трудолюбию и цивилизованности, которые она (Екатерина II – Н.Х.) попыталась ввести в своих вновь приобретенных владениях. Те, кто предпочел покинуть эту страну, должны были продать свои земли и другое имущество, которое находилось под защитой русских. Она не поступила с ними так, как всегда поступали турки и татары с жителями завоеванных стран – те, кто решил остаться, сохранили в неприкосновенности свое имущество и свою веру, пользуясь той же защитой и теми же привилегиями, что и христиане в русском подданстве»* [36, р. 332–333]. Между прочим, точно также осмыслил причины крымско-татарской эмиграции и француз Жан де Рёйи, изучавший полуостров в 1803 г. по заданию своего правительства [46, р. 176–178]. Всего, по оценке путешественника, из Крыма выехало две трети мусульманского населения, так что на полуострове осталось 100 тысяч человек. Правда, он привел фантастическую цифру оставшихся жителей Кубани – 600 тысяч [36, р. 319].

Итак, Итон выразил сформировавшееся в Европе мнение о турках и татарах как экзистенциальных врагах, и одновременно – той противоположности, которая позволяла лучше осознать черты своей собственной культуры [см.: 11, с. 83–89; 6, с. 235–264]. Не удивительно, что эти суждения очень напомнили образ, сложившийся в русской культуре и общественной мысли [см.: 19; 12], а его ри-

торика – официальную идеологию России, выраженную, например, в манифесте Екатерины II о начале второй войны с османами [14, с. 883–888, № 16567].

В традициях эпохи Просвещения, Итон считал торговлю двигателем прогресса. Потому османское завоевание Крыма в конце XV в. он считал катастрофой для Крыма, отметив, что крымские порты в османскую эпоху *«постепенно утратили прежний блеск и величие, о которых теперь свидетельствуют лишь развалины»*. Он положительно оценивал присоединение Крыма к России, ведь Екатерина II сразу же *«задумала вернуть торговлю и промышленность в место, столь для них удобное; она немедленно и с большими затратами создала новые заведения для этой цели»*. Ее либеральное и просвещенное правление должно было не просто возродить торговлю, но и цивилизовать «варварскую дикость» и сделать обращенный в пустыню Крым снова изобильным и производительным [36, р. 306]. Удивительно, но подобные рассуждения нельзя назвать совсем оригинальными.

Еще в 1769 г. известный авантюрист граф Сигизмунд фон Редерн (ок. 1715–1789) представил Екатерине II проект присоединения Крыма к России. Это должно было стать этапом для реализации его грандиозного замысла – компании для торговли с Индией и Китаем. Фон Редерн вдохновлялся примером Британской Ост-Индской компании, ставшей мощнейшим инструментом британского колониализма. Задуманная им структура должна была получить ряд государственных функций (юридический иммунитет, право вести войну, армию и флот). Однако императрица проект отвергла, очевидно, по причине его утопичности [18, с. 222–224]. Британский путешественник Реджинальд Поул-Кару (1753–1835), впоследствии ставший известным политиком, побывавший в Крыму в 1781 г., писал Потемкину о том, что присоединение к России было бы благом для Крыма [10, с. 380]. Горячим сторонником расширения англо-русской торговли был Энтони Браф – автор соответствующего трактата, изданного в 1789 г. с посвящением принцу Уэльскому (будущему королю Георгу IV). О Крыме автор не упомянул, но зато сказал об историческом опыте торговли с Россией и ее выгоде для Англии. Браф пытался преодолеть кризис в отношениях с Россией, возникший из-за войны за независимость североамериканских колоний от Лондона и спровоцированной ею политикой «вооруженного нейтралитета» Екатерины II. По его мнению, торговля была выгодна всем: британцам она приносила прибыль, а русским – блага цивилизации. *«В анналах истории нет [другой] нации, столь быстро подымавшейся из тьмы и варварства к высотам величия и цивилизации, как сделали русские в течение нашего века. Есть много причин этих быстрых и замечательных перемен – но осмелюсь утверждать, что важнейшей были контакты с Великобританией»* [28, р. 44].

О том, что Крым можно сделать звеном в международной торговле, связывающей западноевропейские державы и их заморские колонии с Россией, а затем, через Волгу и Дон, с Индией и Китаем, писали и другие Западные авторы, в частности – «русский шотландец» Маттью Гатри, много лет служивший врачом в Петербурге и издавший описание Крыма в 1802 г. под именем своей покойной жены. Близкие идеи высказывали представители державы, традиционно соперничавшей с Великобританией во всех начинаниях. Суждения сторонника «Старого порядка» во Франции Шарля де Бара, побывавшего в Крыму в 1784 г.,

напоминают проекты Итона, Гатри, а также секретного агента Наполеона Жана Рёйи, изучавшего юг России в 1803 г. Все эти авторы, по сути дела, предлагали планы нормализации отношений между Россией и Западной Европой, где важнейшая роль отводилась взаимовыгодной торговле через Крым. Характерно, что, предпринятые Россией меры для оживления черноморской торговли напоминали то, о чем писали европейцы. Однако нестабильная ситуация в Европе и Средиземноморье в частности, вызванная Наполеоновскими войнами начала XIX в., не позволила их реализовать [см.: 25]. Как уже говорилось, основная торговля России с Англией продолжала идти через Балтику.

Итон выступил горячим сторонником заключения англо-русского союза, полагая, что взаимные интересы сторон важнее накопившихся противоречий, а общим врагом держав является Франция, так что интересами Османской империи можно пожертвовать [36, р. 391–462]. Неудивительно, что его книга вызвала критику. В 1807 г. было опубликовано сочинение английского коммерсанта Томаса Торнтон (1762–1814), который, по его словам, 14 лет прожил в Константинополе и 15 месяцев – в Одессе, а потому накопил достаточный опыт для изложения альтернативного взгляда на Османскую империю [48, р. iv]. Впрочем, язвительный Байрон по этому поводу заметил: *«Г-н Торнтон вбил себе в голову, что может рассчитывать на доверие публики, раз уж прожил в Пере четырнадцать лет; вероятно, он может рассчитывать на него, когда говорит о турках, но это способно дать ему такое же представление о настоящем положении Греции и ее жителей, как столько же проведенных в Уоппинге лет – о Горной Шотландии»* [29, р. 194]. Убийственная ирония Байрона была понятна его соотечественникам. Уоппинг – это один из районов Лондона, а высокогорная северо-западная часть Шотландии находится на противоположном конце Великобритании. Лондон, естественно, считали центром английской жизни, прогресса и культуры, тогда как шотландские горцы пользовались репутацией полной противоположности англичанам: они отличались суровой простотой нравов и долго боролись за свою независимость. Итак, по мнению поэта, в Пере, то есть районе Константинополя (Стамбула) на северном берегу бухты Золотой рог, можно было собирать сведения о греках с тем же успехом, что в Лондоне – о шотландских горцах.

Торнтон можно назвать османофилом, который подверг жесткой критике не только Итона, но и Россию за планы по изгнанию турок из Европы [48, р. 81–88]. Между прочим, о Крыме он не рассказал почти ничего, если не считать истории о работорговле в Каффе, взятой из сочинения немецкого купца Николауса-Эрнста Клеемана, побывавшего там в 1769 г. [48, р. 376–377; ср.: 7, с. 141–143]. Итон вынужден был оправдываться, и в том же году опубликовал новую книгу, призванную доказать неправоту Торнтон. В этот раз проблему Крыма он обошел стороной [38]. Как отметил все тот же Байрон, сочинения Итона и Торнтон *«стоило бы издать вместе и сравнить»*, ведь *«на одной стороне – парадокс, на другой – предрассудок»* [29, р. 194]. Впрочем, он считал, что обоим авторам свойственны заблуждения.

Идеи Итона привлекли внимание не только на родине путешественника, но и в России, где издали перевод отрывков из его трактата 1807 г. Эти публикации появились после победы над Наполеоном и во время Венского конгресса, когда европейские державы решали вопрос о послевоенном устройстве мира. Очевидно, издатели оценили лестную оценку русских, которых Итон

включил в число «цивилизованных наций», а также его призывы освободит греков от османской власти совместными усилиями России и Англии [4; 5].

Как уже говорилось, в 1803 г. Итон не смог реализовать свой проект по снабжению британской армии и флота крымскими продуктами. Качество пшеничных сухарей и вареного гороха заказчики сочли приемлемым, а вот соломина дурно пахла, так что ее вместе со свиным салом и бычьими языками, купленными Итоном не по условиям контракта, а по собственной воле, было решено продать с аукциона. На следующий год его контракт с флотом был прекращен. К тому же британское правительство отказалось оплачивать покупку феодосийских бань, приобретенных Итоном под склад для товаров [41, р. 31–32]. Оставим в стороне вопрос о том, как он умудрился запастись свининой и салом именно в Крыму. В конце концов, их могли доставлять с материка в Феодосию лишь для упаковки и погрузки, к тому же известно, что служащими Итона были переселенцы с Запада. Тем более какие-то операции он действительно вел в Херсоне или Одессе – однако зачем было добавлять в цепочку еще и Феодосию? Быть может, крах этого проекта объяснялся не только не самыми блестящими способностями Итона-торговца, как иногда полагают [41, р. 32–33]. Утопичные проекты хозяйственного развития Крыма, создания здесь новых предприятий и введения новых технологий оказались важным фактором первых российских десятилетий в жизни полуострова. Богатая природа южной части полуострова, казавшееся выгодным географическое положение Крыма и активная «рекламная компания» российских властей ввела в заблуждения и российских, и зарубежных помещиков и предпринимателей [8]. Характерен пример известного британского агронома Артура Янга-младшего, который решил организовать в Крыму образцовое поместье по последнему слову английской науки и техники, подговорил переселиться в Таврику своих соотечественников-колонистов, но недооценил реальные жизненные обстоятельства, такие как отсутствие рабочих рук, портовой инфраструктуры и дорог, а потому его проект потерпел крах [24, с. 266–269].

Следы Итона затерялись после 1806 г. И, хотя его экономические и политические проекты не были реализованы или потерпели неудачу, благодаря англичанину в нашем распоряжении имеется уникальное описание Крымского ханства в последние годы его существования. Думается, что «крымский отрывок» из трактата Итона можно поставить в ряд таких важнейших «внешних» описаний полуострова и его жителей в XVIII в., как записки де Пейссоннеля или Обри де ля Мотре. И, конечно, стоит задуматься о переводе его на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Григорьев С.И.* «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб.: Государственный мемориальный музей А.В. Суворова, 2015. 552 с.
2. *Дружинина Е.И.* Ключок-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955. 366 с.
3. *[Екатерина II]* Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. Вып. X. С. 135–240.

4. [Итон У.] О характере русских / пер. с англ. Сп. Д[е]ст[у]н[ис] // Сын Отечества. 1814. № XIV. С. 41–51; № XV. С. 103–108.
5. [Итон У.] О характере и положении нынешних греков / пер. с англ. С[п]. Д[е]стунис // Сын Отечества. 1815. № IV. С. 140–150; № VII. С. 17–25.
6. Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. 2-е изд. / пер. с ит. Е. Смагина, А. Карлова, А. Митрофанов. СПб.: Alexandria, 2016. 326 с.
7. [Клеман Н.–Э.] Клеманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым... / пер. с нем. И. Одинцов. СПб.: Государственная военная коллегия, 1783. 250 с.
8. Конкин Д.В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи // Боспорские исследования. 2018. № 37. С. 166–186.
9. Кросс А.Г. «Замечания» сэра Джона Синклера о России / пер. с англ. Н.И. Серман // XVIII век. Сб. 10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л.: Наука, 1975. С. 160–168.
10. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н.Г. Беспярых, Ю.Н. Беспярых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
11. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинов, И.А. Пильщиков. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
12. Ориентализм. Турецкий стиль в России. 1760–1840-е / сост. О.А. Соснина, А.М. Валькович. М.: Кучково поле, 2017. 256 с.
13. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. Около 22700 фамилий. М.: Русский язык, 1986. 576 с.
14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XXII: 1784–1788. [СПб.]: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 1168 с.
15. С берегов Темзы – на берега Невы. Шедевры из собрания британского искусства в Эрмитаже / ред. Б. Аллен, Л. Дукельская. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1997. 323 с.
16. Сироткин В.Г. Рец. на книгу: А.М. Станиславская. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.) // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 149–151.
17. Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1891. № 13. С. 33–54.
18. Строев А. «Те, кто поправляет Фортуну». Авантюристы Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 400 с.
19. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 320 с.
20. Филлюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 10–48.
21. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане / ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. Симферополь: Таврия-Плюс, 2014. 768 с.
22. Храпунов Н.И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. XV. С. 656–681.
23. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 412–433.

24. Храпунов Н.И. О деятельности протестантских миссионеров в Крыму в первой четверти XIX в. // История и археология Крыма. 2017. Вып. 6. С. 264–277.
25. Храпунов Н.И. Переосмысление Шелкового пути после присоединения Крыма к России // Исламский фактор в интеграционных процессах Великого Шелкового пути. Материалы II Международной научно-богословской конференции «Духовный Шелковый путь. Созидание. Интеграция». Казань: Исламская книга, 2018. С. 103–113.
26. Храпунов Н.И. Известия о Крыме и о Крымском Ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 579–595. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.579-595
27. Anderson M.S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791 // The American Slavic and East European Review. 1956. Vol. 15. No. 2. P. 157–172.
28. Brough A.A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia. London: G.G. J. and J. Robinson, 1789. 51 p.
29. [Byron G.G.] The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition. Vol. II: Poetry / ed. E.H. Coleridge. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. 525 p.
30. Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.
31. [Craven E.] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters... London: G.G. J. and J. Robinson, 1789. 327 p.
32. Cross A. In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK): Open Book Publishers, 2014. 419 p.
33. Davey J. The Transformation of British Naval Strategy: Seapower and Supply in Northern Europe, 1808–1812. Woodbridge: Boydell Press, 2012. 237 p.
34. Deguignes [J.] Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux... T. 3. Paris: Desaint & Saillant, 1757. 542 p.
35. Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée... Vol. V. Paris: Librairie de Gide, 1843. 464 p.
36. Eton W. A Survey of the Turkish Empire... London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.
37. Eton W. A Concise Account of the Commerce and Navigation of the Black Sea. London: T. Cadell and W. Davies, 1805. 53 p.
38. Eton W. A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France... London: T. Cadell and W. Davies, 1807. 135 p.
39. Ingram E. From Trade to Empire in the near East – III: The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804 // Middle Eastern Studies. 1978. Vol. 14. No. 3. P. 278–306.
40. Kapetanakis P. New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century). Athens: General Secretariat for Research and Technology, 2015. 212 p.
41. Macdonald J. From Boiled Beef to Chicken Tikka: 500 Years of Feeding the British Army. London: Frontline Books, 2014. 246 p.
42. Mézin A. Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792). [Paris]: Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, [1998]. 980 p.
43. Milner Th. The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars... London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.
44. Morriss R. Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91. London; New York: Routledge, 2015. 273 p.

45. *Otter W.* The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. New York: J. & J. Harper, 1827. 528 p.
46. *Reuilly J.* Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803... Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.
47. *Romme Ch.-G.* Voyage en Crimée en 1786 / présenté par M. Deschanet et G. Bekirova. Paris: L'Harmattan, 2016. 150 p.
48. *Thornton Th.* The Present State of Turkey... London: Joseph Mawman, 1807. 436 p.
49. *Williams B.G.* The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. Washington (DC): The Jamestown Foundation, 2013. 53 p.
50. *Yapp M.A.* British Perceptions of the Russian Threat to India // *Modern Asian Studies*. 1987. Vol. 21. No. 4. P. 647–665.

Сведения об авторе: Никита Игоревич Храпунов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (295007, пр. Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-6141-9487, ResearcherID: Q-8101-2017. Email: khrapunovn@mail.ru

*Поступила 26.12.2019 Принята к публикации 19.02.2020
Опубликована 29.03.2020*

REFERENCES

1. Grigor'ev S. I. «...*Kafir ves'ma krutogo nrava*»: *A. V. Suvorov i Krymskoe khanstvo (1771–1779)* [“...A Kafir of Great Temper”: A.V. Suvorov and the Crimean Khanate (1771–1779)]. St. Petersburg: A.V. Suvorov State Memorial Museum, 2015. 552 p. (In Russian)
2. Druzhinina E.I. *Kiuchiuk-Kainardzhiiskii mir 1774 goda (ego podgotovka i zakliuchenie)* [The 1774 Peace of Kuchuk-Kainardzha: Its Preparation and Conclusion]. Moscow: Academy of Sciences of USSR, 1955. 366 p. (In Russian)
3. Pis'ma Ekateriny Vtoroi k baronu Grimmu [Catherine II's correspondence to baron Grimm]. *Russkii arkhiv* [Russian Archive], Vol. 3, no. 10, 1878, pp. 135–240. (In Russian)
4. [Eton W.] O kharaktere russkikh [On the character of the Russians]. *Syn Otechestva* [Son of Fatherland], no. 14, 1814, pp. 41–51; no. 15, pp. 103–108. (In Russian)
5. [Eton W.] O kharaktere i polozhenii nyneshnikh grekov [On the character and situation of modern Greeks]. *Syn Otechestva* [Son of Fatherland], no. 4, 1815, pp. 140–150; no. 7, pp. 17–25. (In Russian)
6. Cardini F. *Evropa i islam. Istoriia neponimaniia* [Europe and Islam: A History of Misunderstanding]. St. Petersburg: Alexandria, 2016. 326 p. (In Russian)
7. *Kleemanovo puteshestvie iz Veny v Belgrad i Novuiu Kiliuu, takozh v zemli budzhatskikh i nagaiskikh tatar i vo ves' Krym...* [Kleeman's Travel from Vienna to Belgrade and Novaia Kiliia, and Also to the Lands of Budzhak and Nogay Tatars and to the All Crimea...]. St. Petersburg: State Military College, 1783. 250 p. (In Russian)
8. Konkin D. V. «*Ekonomika i zhizn'*»: khoziaistvennaia i torgovaia praktika v Krymu v pervye desiatiletiiia posle prisoedineniia k Rossiiskoi imperii [“Economy and life”: economical and trade policies towards the Crimea after its reunification with the Russian empire]. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporan Studies], no. 37, 2018, pp. 166–186. (In Russian)

9. Cross A.G. «Zamechaniia» sera Dzhona Sinklera o Rossii [John Sinclair's "Notes" on Russia]. *XVIII vek* [The 18th century], Vol. 10. Leningrad: Science, 1975, pp. 160–168. (In Russian)
10. Cross A.G. *Britantsy v Peterburge. XVIII vek* [The British in Petersburg: The eighteenth century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2005. 528 p. (In Russian)
11. Neumann I.B. *Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [Uses of the Other: The East in European Identity Formation]. Moscow: New Publisher, 2004. 335 p. (In Russian)
12. *Orientalizm. Turetskii stil' v Rossii. 1760–1840-e* [Orientalism: Turkish Style in Russia, the 1760–1840s]. Moscow: Kuchkovo field, 2017. 256 p. (In Russian)
13. Rybakin A.I. *Slovar' angliiskikh familii. Okolo 22700 familii* [A Dictionary of English Family Names: ca. 22,700 Family Names]. Moscow: Russian language, 1986. 576 p. (In Russian)
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 goda* [Complete Collection of Legislation in the Russian Empire, from 1649 on], Vol. 22. St. Petersburg: Printing house of the Second Department of the Office of His Imperial Majesty, 1830. 1168 p. (In Russian)
15. *S beregov Temzy – na berega Nevy. Shedevry iz sobraniia britanskogo iskusstva v Ermitazhe* [From the Banks of the Themes to the Banks of the Neva: Masterpieces from the British Art Collection in the State Hermitage Museum]. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 1997. 323 p. (In Russian)
16. Sirotkin V.G. Rets. na knigu: A.M. Stanislavskaiia. Russko-angliiskie otnosheniia i problemy Sredizemnomor'ia (1798–1807 gg.) [Review of: A.M. Stanislavskaiia. Russian-English relations and the Mediterranean problems, 1798–1807]. *Voprosy istorii* [Questions of History], no. 10, 1963, pp. 149–151. (In Russian)
17. Steven A.Kh. Dela arkhiva Tavricheskogo gubernskogo pravleniia, odnosiaschiesia do razyskaniia, opisaniia i sokhraneniia pamiatnikov stariny v predelakh Tavricheskoi gubernii [Files in the archive of the Taurida governorate administration related to the search, descriptions, and protection of ancient monuments in the Taurida governorate]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii* [Proceedings of the Taurida Scholarly Archival Commission], no. 13, 1891, pp. 33–54. (In Russian)
18. Stroev A. «Te, kto popravliaet Fortunu». *Avantiuristy Prosveshcheniia* [“The Correctors of Fortune”: Adventurers of the Enlightenment]. Moscow: New literary review, 1998. 400 p. (In Russian)
19. Taki V. *Tsar' i sultan. Osmanskaia imperiia glazami rossiian* [Czar and Sultan: Ottoman Empire as Viewed by the Russian]. Moscow: New literary review, 2017. 320 p. (In Russian)
20. Filiushkin A. Kak Rossiia stala dlia Evropy Aziei? [How did Russia become “Asia” for Europe?]. *Izobretenie imperii: iazyki i praktiki* [Inventing Empire: Languages and Practices]. Moscow: New Publisher, 2011, pp. 10–48. (In Russian)
21. *Khrestomatiia po etnicheskoi istorii i traditsionnoi kul'ture starozhil'cheskogo naseleniia Kryma* [Textbook on the Ethnic History and Traditional Culture of the Old-residing Population of the Crimea], Vol. 1. Simferopol: Tauria-Plus, 2014. 768 p. (In Russian)
22. Khrapunov N.I. Puteshestvie po Krymu Stivena Grelleta [Stephen Grellet's travel through the Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria], no. 15. 2009, pp. 656–681. (In Russian)
23. Khrapunov N.I. Mangupskoe gorodishche v trudakh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v.: issledovaniia i illiuzii [Ancient city of Mangup through the late eighteenth and early nineteenth century travelogues: researches and illusions]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History, and Ethnography of Tauria], no. 22. 2017, pp. 412–433. (In Russian)

24. Khrapunov N.I. O deiatel'nosti protestantskikh missionerov v Krymu v pervoi chetverti XIX v. [On the activity of Protestant missionaries in the Crimea in the first quarter of the nineteenth century]. *Istoriia i arkhologiiia Kryma* [History and Archaeology of the Crimea], no. 6. 2017, pp. 264–277. (In Russian)

25. Khrapunov N.I. Pereosmyslenie Shelkovogo puti posle prisoedineniia Kryma k Rossii [Silk Road Reconsidered: After the Reunification of the Crimea and Russia]. *Islamskii faktor v integratsionnykh protsessakh Velikogo Shelkovogo puti. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii «Dukhovnyi Shelkovyi put'. Sozidanie. Integratsiia»* [Islamic Factor in the Integration Processes on the Silk Road: Proceedings of the 2nd International Scholarly and Theological Conference “Spiritual Silk Road. Creation. Integration”]. Kazan: Islamic book, 2018, pp. 103–113. (In Russian)

26. Khrapunov N.I. Izvestiia o Kryme i o Krymskom Khanstve, sobrannye Uil'iamom Tukom v 1785 g. [The Account of the Crimea and the Crimean Khanate Collected by William Tooke in 1785]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*, Vol. 6, no. 3, 2018, pp. 579–595. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.579-595 (In Russian)

27. Anderson M.S. Samuel Bentham in Russia, 1779–1791. *The American Slavic and East European Review*, Vol. 15, no. 2. 1956, pp. 157–172.

28. Brough A. *A View of the Importance of the Trade between Great Britain and Russia*. London: G.G. J. and J. Robinson, 1789. 51 p.

29. [Byron G.G.] *The Works of Lord Byron. A New, Revised and Enlarged Edition*, Vol. 2. London: John Murray; New York: Charles Scribner's Sons, 1899. 525 p.

30. Clarke E.D. *Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa*, Pt. 1: *Russia, Tahtary, and Turkey*, Vol. 2. 4th ed. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 524 p.

31. [Craven E.] *A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters...* London: G.G. J. and J. Robinson, 1789. 327 p.

32. Cross A. *In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-hand English-language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge (UK): Open Book Publishers, 2014. 419 p.

33. Davey J. *The Transformation of British Naval Strategy: Seapower and Supply in Northern Europe, 1808–1812*. Woodbridge: The Boydell Press, 2012. 237 p.

34. Deguignes [J.] *Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs et des autres Tartares occidentaux...* Vol. 3. Paris: Desaint & Saillant, 1757. 542 p.

35. Dubois de Montpéreux F. *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée...* Vol. 5. Paris: Librairie de Gide, 1843. 464 p.

36. Eton W. *A Survey of the Turkish Empire...* London: T. Cadell, jun. and W. Davies, 1798. 516 p.

37. Eton W. *A Concise Account of the Commerce and Navigation of the Black Sea*. London: T. Cadell and W. Davies, 1805. 53 p.

38. Eton W. *A Letter to the Right Honourable the Earl of D***, on the Political Relations of Russia, in Regard to Turkey, Greece, and France...* London: T. Cadell and W. Davies, 1807. 135 p.

39. Ingram E. From Trade to Empire in the near East – III: The Uses of the Residency at Baghdad, 1794–1804. *Middle Eastern Studies*, Vol. 14, no. 3, 1978, pp. 278–306.

40. Kapetanakis P. *New Approaches of British and Ionian Presence in Ports and Grain-Markets of the Russian Black Sea and the Danube (Mid-18th – Mid-19th Century)*. Athens: General Secretariat for Research and Technology, 2015. 212 p.

41. Macdonald J. *From Boiled Beef to Chicken Tikka: 500 Years of Feeding the British Army*. London: Frontline Books, 2014. 246 p.

42. Mézin A. *Les consuls de France au siècle des lumières (1715–1792)*. [Paris]: Ministère des affaires étrangères. Direction des archives et de la documentation, [1998]. 980 p.
43. Milner Th. *The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars...* London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1855. 368 p.
44. Morriss R. *Science, Utility and Maritime Power: Samuel Bentham in Russia, 1779–91*. London; New York: Routledge, 2015. 273 p.
45. Otter W. *The Life and Remains of Edward Daniel Clarke; Professor of Mineralogy in the University of Cambridge*. New York: J. & J. Harper, 1827. 528 p.
46. Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803...* Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 302 p.
47. Romme Ch.-G. *Voyage en Crimée en 1786*. Paris: L'Harmattan, 2016. 150 p.
48. Thornton Th. *The Present State of Turkey...* London: Joseph Mawman, 1807. 436 p.
49. Williams B.G. *The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire*. Washington (DC): The Jamestown Foundation, 2013. 53 p.
50. Yapp M.A. British Perceptions of the Russian Threat to India. *Modern Asian Studies*, Vol. 21, no. 4. 1987, pp. 647–665.

About the author: Nikita I. Khrapunov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Research Centre for the History and Archaeology of the Crimea at the V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-6141-9487, ResearcherID: Q-8101-2017. Email: khrapunov@mail.ru

*Received December 26, 2019 Accepted for publication February 19, 2020
Published March 29, 2020*